

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

45 (3856)

Вторник, 15 апреля 1958 г.

Цена 40 коп.

Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи — верный помощник и резерв Коммунистической партии, передовой отряд молодых строителей коммунизма!

(Из Приказа ЦК КПСС к 1 Мая 1958 года)

Рисунок Н. Карповского

Первомайские Призывы партии

В воскресных номерах газет опубликованы Призывы ЦК КПСС к 1 Мая...

В преддверии традиционного праздника братства рабочих всех стран...

Вдохновляющая и мобилизующая сила Первомайских Призывов нашей партии...

Народы мира! — говорится в Первомайских Призывах ЦК КПСС...

От имени трудящихся Советского Союза — первого в мире социалистического государства...

Наш сердечный привет и пожелания дальнейших успехов в строительстве новой жизни...

Наш братский привет великому индийскому народу, борющемуся за прогресс своей Родины...

Трудящиеся Советского Союза! Полнее используйте преимуществ новой системы управления промышленностью...

Работники сельского хозяйства! Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций...

Мы по праву гордимся замечательными успехами советской науки и техники...

Фашист не кричал, не толкал ногами, не угрожал. Он судил всякие блага, если девушка согласится оказать, как он выразился, «ряд небольших услуг германскому командованию»...

Сдай билет! — приказал комсомольский Устав. Комсомольский Устав, ты неправ, ты неправ! Значит, быть молодым, а потом — перестать? Разве можно потребовать Молодость сдать? И тебе подлинность — билет отдаю. Но навеки остаюсь в комсомольском строю!

Камбоджи, борющимся за мир и упрочение национальной независимости своих стран.

Выражением ленинской внешней политики Советского Союза — политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем...

Советские люди шлют братский первомайский привет трудящимся и всем прогрессивным, миролюбивым силам Федеративной Республики Германии...

Обращаясь к трудящимся Советского Союза, Центральный Комитет партии призывает рабочих, колхозников, интеллигенцию мобилизовать все силы на осуществление исторических решений XX съезда КПСС...

Трудящиеся Советского Союза! Еще шире развернем всенародное социалистическое соревнование!

Трудящиеся Советского Союза! Еще шире развернем всенародное социалистическое соревнование!

Трудящиеся Советского Союза! Еще шире развернем всенародное социалистическое соревнование!

Трудящиеся Советского Союза! Еще шире развернем всенародное социалистическое соревнование!

Трудящиеся Советского Союза! Еще шире развернем всенародное социалистическое соревнование!

Трудящиеся Советского Союза! Еще шире развернем всенародное социалистическое соревнование!

Трудящиеся Советского Союза! Еще шире развернем всенародное социалистическое соревнование!

Трудящиеся Советского Союза! Еще шире развернем всенародное социалистическое соревнование!

Трудящиеся Советского Союза! Еще шире развернем всенародное социалистическое соревнование!

Мечтатели

Очень просто: до заката Добрый трактор ходит в поле. Вспомни, друг!

Шел в ячейке спор беговой, Обсуждали то и это: Сколько надо лет, чтоб вдоволь В каждом доме Было света...

Вспомни, как на чудо-птицах Мы с тобой в мечтах летали, Твердо веря, что свершится Все, О чем тогда мечтали.

В те годы Ленин. В те годы Ленин. В те годы Ленин.

Тринадцатый комсомольский...

РАЗВЕ можно это забыть? Большой светлый зал... Первое в жизни собрание... Испытующие взгляды и строгие вопросы товарищей...

Нет, у нас это было не так, — возражает один. Райком в полном составе призвали на фронт. Мы вступили в комсомол в перерыве между боями с Петлюрой, Мамоновым, Колчаком...

А помнишь палатку в тайге? Мороз и огромный костер посредине бузючей площади нового города. Крепкое пожатие руки комсорга? — скажут другие.

А первая дояна Кузнецка? Ответ багрового пламени, отчего лица товарищей кажутся отличными из брони...

Нет конца воспоминаниям комсомольцев разных годов. У каждого по-своему сложилась его неповторимая комсомольская юность. Одины трясился в тентушках гражданской войны, другие доломали гиганты первых пятилеток...

Есть такая цифра: почти за сорок лет существования комсомола в его рядах, под руководством Коммунистической партии, прошли боевую школу воспитания шестьдесят пять миллионов юношей и девушек. Какая поистине огромная армия строителей и борцов!

Советский народ назвал комсомол своей молодой гвардией. Верный помощник и резерв партии, всезнающим и всемогущим союзом молодых единомышленников вместе с народом строит коммунизм, в труде и борьбе учится коммунизму...

Приходит радостные вести из разных уголков советской земли: молодежь осваивает целину, участвует в сооружении гигантских строек Сибири и Востока, сищет в недрах земли новые богатства, сооружает новые дома...

Юные ленинцы знают, что решать практические задачи — это значит шествовать над «Казахстанской Магниткой», бороться за высокие урожаи, растить скот, учиться, учиться и еще раз учиться...

Нет, не всякая романтика бурной комсомольской жизни! И юному поколению не приходится завидовать старшим.

братьям и отцам. И у него дел по горло. Четыре года назад, на XII съезде ВЛКСМ, партия сказала комсомолу: поверните свою работу ближе к государственным, хозяйственным и культурным задачам.

Весенней, солнечной порой съездились на свой тринадцатый съезд посланцы комсомола. Им есть что рассказать своим товарищам: четыре года прошли незаро, окрепла, возмужала в труде комсомольская гвардия.

И СНОВА под сводами Кремлевского дворца звучат заборные песни о паровозе, о штурмовых капотах Спасска, о горах Сталинграда и новоселых целинных земель...

Родина воздает славу своей молодежи. Коммунистическая партия, народ ждет от молодой гвардии новых дел и свершений. Еще крепче связать работу с практикой коммунистического строительства, бороться с пережитками капитализма в сознании, в быту, воспитывая человека коммуниста...

Великий Маркс говорил, что самое большое достоинство, ценимое им в людях, — простота. Что греха таить, попадают на нас еще такие комсомольские руководители, которые отгораживались от молодежи, возмнили себя «вождями».

Возвсем недавно в одном заводском клубе проводился диспут на тему «Что такое честь?» Докладчик говорил бойко, приводил десятки исторических примеров, и все соглашались с ним: честь,

действительно, надо беречь смелому. Собрание шло своим обычным чередом, но вдруг из рядов вышла Тая Чиликина — серолазая автоматчица из механического цеха.

Участники диспута предьявлял серьезный счет своим писателям. Да, в последнее время написано много книг о молодежи. Но почему же герои некоторых произведений живут и действуют в отрыве от комсомола? А ведь как умел показывать Аркадий Гайдар своих героев в неразрывной слитности с коллективом!

Участники диспута предьявлял серьезный счет своим писателям. Да, в последнее время написано много книг о молодежи. Но почему же герои некоторых произведений живут и действуют в отрыве от комсомола? А ведь как умел показывать Аркадий Гайдар своих героев в неразрывной слитности с коллективом!

Немало еще живых, ярких дел, инициативных начинаний предстоит молодежи в будущем. Руководимый Коммунистической партией, Ленинский комсомол, ее верный помощник и надежный резерв, выполнит великие задачи коммунистического строительства.

Тринадцатый съезд комсомола по праву назван съездом молодых строителей коммунизма. Мы знаем, что тем, кто сегодня собрался в Большом Кремлевском дворце, предстоит сделать нашу землю еще краше, строить заводы и электростанции, создавать изобилие продовольствия и товаров для народа, штурмовать космическое пространство, воодушевлять величественное здание человеческого общежития, имя которому — коммунизм.

Много сложнейших вопросов будут решать делегаты. Зайдет, несомненно, речь и о том, как лучше приобщить молодежь к сокровищнице марксистско-ленинской теории, как пронажить всю идейную работу духом живого творчества, подчинять ее практическим задачам, стоящим перед комсомолом. Пионерская работа, международные связи, успехи юных борцов за мир, — как широк и всеобъемлющий круг комсомольской деятельности!

И послышав свой искренний привет делегатам XIII съезда ВЛКСМ, советские люди желают им успеха в работе, смелости и широты в решении насущных вопросов, твердости и последовательности в выполнении героических задач!

сказала мне о своей незаживающей душевной ране. Последний раз довелось ей видеть дочку за день до расстрела. Когда Лида повеяла через дверь в уборную, старая женщина умоляла конвоира пропустить и ее туда. Не подозревая, что это мать арестованной, она в конце концов «смиловалась». Жгучая боль охватила Фанну Гавриловну, — она увидела свою любимицу, исполосованную иссиня-красноватыми рубцами.

Ничего, мама, не страшно. С другими не то еще делади. Вон Борова, Григория Андреевича, избивали так, что клоуны мяса до потолка летели. — Что же будет, доченька? — Не знаю, мама, все может быть. Выдала меня... И она назвала матери имя предательницы. Потом продолжала: — Все может случиться. Только вы себя берегите.

Фанна Гавриловна показала мне фотографию. — Вот она, моя Лида, слева. Бывшие партизаны Мария Порчицкая, Михаил Буренко и многие другие люди, с которыми довелось говорить, рассказали о подвигах Лиды Никитиной. Вскоре после того, как Зуйский район был захвачен противником, девушку позвали переводить речь немецкого офицера на слухе крестьян ее родного села Бурортного. Люди угрюмо слушали многочисленные указания, каждое из которых заканчивалось стереотипной фразой: — За невыполнение — расстрел.

Видя, что девушка свободно владеет немецким языком, офицер заинтересовался, где она научила его. — Тут я на немецкая колония была — Фридендаль. Да и в школе нашей почти все учителя были немцы. После этого за ней стали частенько присылать то из Зуйской военной коммандуры, то из сельскохозяйственной — учреждения, чья деятельность сводилась к «мобилизации сельскохозяйственных ресурсов населения», попросту говоря, к грабежу. Девушка сперва тяготилась неприглядной ролью, которую ей все чаще и чаще навязывали, а потом, с начала 1942 года, она в каком-то особом рвении начала выполнять функции переводчицы. И вот почему.

Лиды, Фанна Гавриловна, рассказала мне о своей незаживающей душевной ране. Последний раз довелось ей видеть дочку за день до расстрела. Когда Лида повеяла через дверь в уборную, старая женщина умоляла конвоира пропустить и ее туда. Не подозревая, что это мать арестованной, она в конце концов «смиловалась». Жгучая боль охватила Фанну Гавриловну, — она увидела свою любимицу, исполосованную иссиня-красноватыми рубцами.

Ничего, мама, не страшно. С другими не то еще делади. Вон Борова, Григория Андреевича, избивали так, что клоуны мяса до потолка летели. — Что же будет, доченька? — Не знаю, мама, все может быть. Выдала меня... И она назвала матери имя предательницы. Потом продолжала: — Все может случиться. Только вы себя берегите.

(Окончание на 2-й стр.)

Герои-комсомольцы

НЕДАВНО весь мир облетело волнующее известие еще об одном, прежде неизвестном подвиге, совершенном недалеко от Москвы двенадцатой советскими патриотами в тяжкие дни февраля 1942 года.

Тогда, в 1943 году, Крым еще был оккупирован немцами. И все же вест о подвиге крымской девушки очень скоро просочилась к нам на Кавказское побережье, где в то время базировался Черноморский флот. Ее доносили до нас отважные партизаны.

С одним из них мы сидели на берегу моря. Мой собеседник тихо рассказывал эту историю, устремив взгляд далеко в море, будто проликая взором за горизонт, туда, в родной Крым, откуда он только накануне ночью прилетел. Я слушал его, не перебивая.

Флишер гитлеровского штаба был внешне вежлив, даже корректен. Ласково улыбувшись, он предложил девушке — переводчице коммандатуры стул.

Если не ошибаюсь, Лида Никитина? — Да. — Назовите известных вам партизан и скажите, каким способом поддерживали с ними контакт. — Глаза в глаза офицеру, девушка сказала: — Вы что-то путаете, господин оберлейтенант.

Фашист не кричал, не толкал ногами, не угрожал. Он судил всякие блага, если девушка согласится оказать, как он выразился, «ряд небольших услуг германскому командованию».

Подвиг Лиды Никитиной

— Пусть говорит. — И та затворилась. Лида не верила своим ушам, услышав: — Я к ней несколько раз на связь ходила. Ей приносила листовку, а у нее получала донесения в отряд. Писала она про то...

Неправда! Ложь! — Чего уж там, надо говорить! — И гнусная предательская душа выложила все, что знала об отважной девушке.

Ну-с, теперь, Никитина, надеюсь, вы будете стовоичнее? — Не о чем нам спорничать. — Вместе с полицаями палач стал извлекать беззащитную девушку. Били долго, зло, истуственно.

Каждый день ее водили на допрос и каждый день нещадно избивали. Девушка молчала. — На рассвете 17 августа к болынице, в подвале которой содержались заключенные, подкатил грузовик. Родные арестованных, целыми днями толпившиеся возле этого зловещего здания в надежде передать какую-нибудь еду своим близким или хоть одним взглядом увидеть их, стали галдеть, кто повезет и куда. Лидели Зуи хорошо знали: если арестованных увозят в левую сторону, — значит, в симферопольское гетто, а если в правую, на Глиннице, — тогда конец. Там, у противотанкового рва, было место казни.

Из подвала вывели мальчугана лет тринадцати со страшными синяками на опухшем лице. Лида и двух мужчин, один из которых едва волочил ноги. Арестованных втолкнули в кузов грузовика, туда же прыгнуло несколько конвоиров. Машина выехала со двора и осторожно, словно крадучись, стала поворачивать...

На Глиннице, — в ужасе зашептали люди. — В это время с машины в толпу полетел сверток, и Лида крикнула: — Проню вас, передайте маме! Последний подарок, который девушка могла сделать матери, — пальто и туфля. Ей самой они больше были не нужны...

Семен СОРИН

МОЛОДОСТЬ

Комсомольский Устав, комсомольский Устав, Лишь однажды ты был — Вспомню! — Неправ. С восемнадцати Юных, Стремительных лет Билось сердце мое в комсомольский билет, К Брандбургским воротам от школьных ворот Я пронес его, реки форсируя вброд. Голубыми подтеками, Синим пятном Немая, Висла и Шпрее остались на нем. Я его, с силуэтом родного вождя, Оставлял замполиту, в разведку идя, А когда возвращался Назад Из огня, — Он нарядно высшею был для меня. Сколько подписей в нем — и косых, и прямых, И последних — Погибших комсоргов моих! — Сдай билет! — приказал комсомольский Устав. Комсомольский Устав, ты неправ, ты неправ! Значит, быть молодым, а потом — перестать? Разве можно потребовать Молодость сдать? И тебе подлинность — билет отдаю. Но навеки остаюсь в комсомольском строю!

Лидия Никитина (слева) и Муса Порчицкий.

На водила молодость
В сабельный поход.
На бросала молодость
На крохотатский след.

Э. Вагницкий

КОГДА перед тобой открывается величественная панорама Кузнецкого металлургического комбината, раскинувшего свои цеха на километры, невольно испытываешь восторг. Сама история его создания, овеянная горячим дыханием первой пятилетки, — бурный, почти фантастический рост огромных корпусов на безлюдных болотистых местах Кузнецкого котлована, — стала неотъемлемой частью нашей жизни, как человеческая эпопея, перелеты через Северный полюс, строительство Магнитки...

И вот на этом заводе, где так много сделано руками комсомольцев 30-х годов, возник памятный мне разговор. Мой собеседник, видный инженер комбината, один из тех, кто в 1930 году 19-летним парнем с рабфакскими вышивками в вещевом мешке пришел строить советский металлургический гигант, рассказывая об успехах заводской молодежи, обрывает фразу: «Удивляться тут не приходится. Ведь они пришли на готовое».

И, развивая эту мысль, поясняя: «То, на что мастера старшего поколения тратили годы, нынешняя молодежь берет в виде готового опыта. Те знания, которыми мы кружили на вечерних курсах овладения ударными первыми пятилетки, эти ребята получили, даже не переступив еще порога завода...»

Инженер остановился. «Наверно, подумали: вот, мол, ретроград объявился, не понимает, что жизнь идет вперед, производство усложняется, а соответственно меняются (и должны меняться!) требования к рабочему, условия его труда... Понимаю! И радуюсь этому, — ведь это значит, что мы растем, становимся сильнее, богаче, успешнее!»

Инженер помолчал и неожиданно заключил:

«А все-таки хорошая была у нас молодость: и в бараках холодных жила, и недоедали, и учились по ночам, — а хорошо!»

В этих словах прозвучала уже знакомая нота людей его поколения: мы жили трудней, романтичнее...

К этому нельзя не прислушаться. А может быть, и впрямь что-то утвердилось в великодушных традициях комсомольской юности наших отцов?

СОВЕРШИТЕ путешествие на восток через районы освоения целинных и залежных земель по трассе гигантских новостроек шестой пятилетки, и вы скажете вслух за поэтом-сибиряком: сама юность пришла в Сибирь, на берега ее могучих и древних рек.

«Добровольцы все еще прибывают, чтобы созидать в двадцати местах Сибири новые Шелеховы и Ангарск», — рассказывает корреспондент «Юманите» Пьер Энтжес, недавно побывавший в самых отдаленных местах Западной и Восточной Сибири. — Это большое движение напоминает поход американских пионеров на Дальний Запад или массовый отъезд советской молодежи в первую пятилетку на строительство Кузнецкого металлургического комбината».

Это увидено умными, зоркими глазами друга, и сравнение с годами первой пятилетки не случайно. Конечно, времена изменились. За четверть века мы сделали гигантский рывок вперед. О той технике, которая сейчас действует на стройках шестой пятилетки, о теперешних масштабах наших планов в 30-е годы можно было только мечтать. Но разве сегодня, как четверть века назад, не существуют трудности, которые всегда сопутствуют пионерам, создателям нового? И разве там, где в суровых, сложных условиях рождается это новое, не возникают конфликты, не формируются характеры, не определяется судьба, как это было и в 30-е годы?

Год назад мне довелось побывать на строительстве Красноярской ГЭС. Сюда, на Енисей, в числе других поселенцев комсомола приехали юноши и девушки из Ивановской области. У себя дома почти все они жили с родителями, ра-

тали, учились и весьма туманно могли представить какую-то другую жизнь, не похожую на ту, которую они вели. Сибирь они знали по немногим книгам и рисовали себе трудности чуть ли не землерождения и первооткрывателей. И вот, проделав долгий путь с запада на восток, они ступили на берег Енисея.

Там среди высоченных деревьев виднелось всего лишь несколько деревянных домиков, за которыми начиналось царство тайги. Неприступные и суровые, полные дикой, мужественной красоты, высіялись скалы и утесы на противоположном берегу.

Место это (там когда-то был небольшой монастырь) называлось «Скит». Здесь им предстояло строить поселок, врубаться в тайгу.

Они были одними из первых, и на их долю выпало самое трудное. Тогда стройка только разворачивалась, набирала силу — не хватало материалов, механизмов, машин. Тяжелые, трудоемкие работы ребятам приходилось делать вручную. Они рыли котлованы, перетаскивали и пилили бревна, валили лес, ставили столбы. Это было тяжело, утомительно, давало крайним напряжением всех сил. А с наступлением зимы стало еще труднее.

Наскоро переоборудованные палатки оказались ненадежной защитой от сибирских морозов. Девушки спали в валенных брниках. И на рассвете, когда гас огонь в небольшой печке и становилось совсем холодно, не так-то легко было расстаться с одеялом и снова идти грузить лес и рыть котлованы.

Как тут не вспомнить о далеком теплом доме, о неустанных материнских заботах, которые почему-то раньше не замечались, а теперь кажутся такими удивительными, необыкновенными! И вот однажды ивановская комсомолка Рита, когда ей показалось особенно тяжело, написала матери длинное-предлинное письмо, пожаловалась на трудности. Вскоре вместе с деньгами на дорогу пришел ответ: немедленно приезжай, жду.

Несколько дней Рита не расставалась с телеграммой, была как-то особенно молчалива, а вечерами после работы забивалась в угол палатки и отворачивалась к стенке, чтобы подруги не видели ее слез...

И, наверно, в ту ночь, когда, лежа без сна и дрожа от холода, Рита все-таки решила не ехать домой, какая-то новая черточка прибавилась в ее характере...

Почему она не уехала? Сама логика жизни заставляла ее не только понять, но и всем сердцем принять неписанный закон: побег с далекой стройки, с целины — это нечто гораздо большее, чем проступок, пролитываемый слабостью, это дезертирство с переднего края.

А есть ли такие, кому трудности созидания не по плечу? Те, что ударили с целины, с далеких строев? Те, кто попросту отказывается ехать туда? Да, есть и такие. Их ничтожное меньшинство, но о них нельзя забывать хотя бы потому, что они молоды, что у них все вперед!

Вот где нужна широкая воспитательная работа, живое ощущение преемственности традиций!

И не случайно на республиканских съездах комсомола возник разговор о воспитании в труде. И надо думать, он будет продолжен на всесоюзном съезде комсомола — разговор о моральном облике комсомольца 50-х годов, воплотившем в себе драгоценные черты комсомольцев старших поколений.

Тысячи самых разнообразных фактов, к которым следовало бы присмотреться художнику, помогают понять, как формируются характеры в суровых условиях.

Этим летом на целине я подружился с водителем совхозной машины Николаем Гарбузовым.

Не проходило дня, чтобы он, когда мы оставались вдвоем, не заводил разговор «об одной замечательной девушке», студентке, приехавшей из Новосибирска на уборку. Встретились они редко, урывками, но с тем большим нетерпением он ждал конца уборки, «чтобы поговорить всерьез».

И вот однажды девушка спросилась вместе с ним в поездку — ответил хлест на элеватор, расположенный возле железнодорожной станции. Они поехали. И

в дороге Николай узнает, что эта девушка собралась в город, не дожидаясь конца уборки, то есть попросту ударила с целины!

Он резко затормозил и молча вынес ее чемодан. Она, растерявшись, униженная, вышла из машины.

Так кончилась эта зарождавшаяся любовь. И, конечно же, этот эпизод не прошел бесследно ни для этой девушки, ни для Николая, так же как и история с письмом Риты.

«**ЧТО** ты о них думаешь — энтузиасты они или расчётливые люди?» «В разговорах о патристическом почите советской молодежи, едущей на восток», — рассказывает корреспондент газеты «Юманите» Дауэше Бофа, поездивший по Сибири, — мне не раз приходилось слышать этот вопрос: личный расчет или политический энтузиазм?»

«Но это упрощенческая постановка вопроса! — вполне справедливо отвечает Д. Бофа. — Полностью наш разговор с комсомолкой Тамарой Серовой, приехавшей из Иваново на строительство Красноярской ГЭС по комсомольской путевке.»

«Мы стоим на самом берегу Енисея. Высокие, поросшие сосной каменные скалы противоположного берега заслоняют небо, и от этого река кажется узкой. Сади, со стороны поселка, доносится голоса людей, напряженное гудение автомашин, и только если долго и внимательно прислушиваться, можно уловить глухой, извечный шум тайги.»

«Что повлияло на мое решение? — задумчиво повторяет мой вопрос Тамара. — Хотелось посмотреть новые места, и потом — ведь наша ГЭС будет крупнейшей в мире...»

«Это «и потом» произносится подчеркнуто обыденным тоном: ведь не так-то легко рассказывать о том, что тебе особенно дорого, о своих мечтах... Для чужого уха это еще, чего доброго, покажется напыщенным!»

Тамара кончила восемь классов, работала на электростанции, заочно училась в энергетическом техникуме. Жизнь складывалась ясно и просто.

«Что же заставило ее оторваться от дома, привычного уклада, отказаться от своих планов на будущее? Знала ли она, что здесь будет трудно, по-настоящему трудно?»

«Да, конечно! Но ведь именно поэтому она и поехала сюда!»

«А учеба? А техникум?»

«Учеба? Учиться заочно можно и здесь, работая на стройке. Правда, пропал год. Но если уж на то пошло, он совсем не пропал!»

«Среди ивановских комсомольцев, с которыми мне пришлось беседовать, не было ни одного, кто бы не смог сразу же сказать, кем бы он хотел видеть себя через несколько лет, какая у него жизненная цель.»

«Именно поэтому подавляющее большинство из них учится. В десятой палатке, где я жил вместе с ребятами, из четырнадцати человек в вечерней школе учатся девять. На тумбочках возле кровати, рядом с логарифмическими таблицами Брадиса и учебником физики здесь можно увидеть «Письма из далека» Ленина, романы Диккенса и Балзыака. А вечером, когда все собираются, завязывается общий разговор — о впечатлениях дня, о планах строительства и нормах выработки, и о том, знает ли свое дело рабочий, и о Географическом годе. И если уж поднимается спор, то старшему в палатке Николаю Бархатову не раз приходится напоминать, что когда-нибудь надо же и спать...»

«В этих разговорах, таких же, какие ведутся в других рабочих общежитиях Москвы, Ленинграда или Иваново, конечно, не произносятся высокие слова — мечта, дерзание или романтика. Но не там ли начинаются подлинная романтика и большая мечта, где о них не говорят, где дерзание сопряжено с каждым шагом повседневной жизни?»

«Вспоминается наша прогулка с Николаем Бархатовым по поселку.»

«Вот это Нагорная улица. — говорил Бархатов, — это Чкаловская, а там будет Клубная площадь.»

И мы шагали по проспектам, перелезали

через бурелом, чтобы пройти от «Набережной» к «Нагорной»...

И не так ли мечтали, работали, преодолевали трудности комсомольцы 30-х годов, строившие в дальневосточной тайге Комсомольск-на-Амуре?

«Впрочем, может быть, и не совсем так: ведь времена меняются, и люди мыслят иначе, другими масштабами. Но не по-настоящему времени другим: стремление молодежи быть там, где труднее всего.»

«Теперь уже невозможно не понять, что тысячи и тысячи юношей и девушек, отправляющихся на восток и север нашей страны, — это могучее массовое движение молодежи, горячо откликнувшейся на зов партии.»

«**В**СПОМИНИ свои беседы с инженером Кузнецкого комбината, я, как сейчас, вижу, как разгладилась морщина на его лице, как засияли его глаза, когда он заговорил о своей комсомольской юности.»

«Что ж, инженер вправе гордиться ею. Да и кто из нас, вступивших в самостоятельную жизнь в конце 30-х годов, не завидовал нашим старшим братьям и то-

варицам, прокладывавшим, когда мы еще только ходили в школу, дороги в степях и тайге, строившим промышленные гиганты первой пятилетки?»

«Тогда нам казалось: «все самое трудное», «самое героическое» сделано до нас — революция, гражданская война, первая пятилетка.»

«Так нам казалось. Но разве те, кто знает об Отечественной войне по рассказам и книгам, не гордятся нами, нашим поколением? И разве молодежь, наши 70-х годов не будет с восхищением читать и слушать рассказы о делах людей, названных народом «покорителями целины, об освоении необжитых районов нашей страны?»

«Юности свойственно стремление к романтике, — из поколения в поколение передаются эта ненасытная жажда больших, героических дел и тревога о том, что нам, вступающим в жизнь, «ничего трудного» не останется.»

И этот живой, священный огонь тревожит нашу молодежь. Ей есть что наследовать у своих старших товарищей!

Подвиг Лиды Никитиной

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Вскоре после Нового года и Никитины неожиданно завязались закадычная Лидия подружка Муса Порчицкий, еще в ноябре вместе с отцом и братом ушедшая в лес, к партизанам. Лидя, с горечью жаловалась на свою судьбу, сказала подружке, что не хочет, не может помогать врагам, что тоже уйдет в лес.

«Никогда ты пока не пойдешь. Я как раз за тем и пришла...»

И от имени комиссара Зуйского партизанского отряда Семена Ильича Мозгова она передала Лиде поручение: развозить все, что можно, о вражеском гарнироне, нужные пропуски.

«Знаю о том, что комсомолец Миша Буренко едет на угодию под немецкую машину и лежит дома с поврежденной ногой, Лидя зашла навещать приятеля. Она спросила:

«А читать у тебя есть что?»

«Да, так... — протянул Миша, не особенно торопясь к чтению.»

«На, возьми, прочитай на досуге, — и протянула ему книжку, свернутую трубочкой.»

«Но это была не книжка, а пачка листовок, — вспоминает Михаил Буренко, ныне колхозник артели имени Мичурина. — Едва Лидя ушла, я развернул их. Первое, что увидел, были слова, начертанные наверху: «Смерть немецким оккупантам!» Я, конечно, понял, как поступить с листовками. Когда взглянул к нам сосед и спросил бумажку на цыгарку, я протянул ему листовку. Дядя Василья взглянул на нее и обомшел:

«Вот это да! Спасибо, Миша!»

Начав ходить по костылям, Михаил стал уже сам предлагать односельчанам «бумагу на цыгарку». Делал он это с юношеским пылом, не всегда осмысленно, что, очевидно, дошло до Лиды.

«Однажды, — рассказывает Буренко, — она строго выговорила мне за это, добавив, что было бы гораздо лучше распространять листовки через Александра Ванушу, которая вынуждена была зарабатывать тем, что продавала издававшуюся фашистами газетенку «Голос Крыма».

«Только мне самой нельзя в Шуруй по этому поводу связываться.»

«Мы сделаем, Лидя.»

«Мы» — это имелась в виду действующая в Зуе молодежная патристическая группа, возглавлявшаяся героически павшим впоследствии Иваном Кузьяниным.

И очень скоро жители Зуи стали обнаруживать в аккуратно сложенных по-

мерах «Голоса Крыма» листовки, расставившие туман вражеской пропаганды, вселявшие надежду в измученные сердца, давшие к борьбе и победе. А иногда (и это вызвало особую радость) листовки лежали номер «Правды».

«Выяснив партизанская разведчица Мария Порчицкая (Агеева) ныне работает в самферопольском унтерверге. Она рассказала, что Лидя Никитина оповещала партизан, когда на мельнице в селе Балабанове накапывалась солидный партизанский сбор. Вешенные фашисты, освободив от веревек связанного мельника, вынужденные были констатировать, что партизаны их обдурили. С помощью таких инсценировок нападения на мельницу удавалось пополнять запасы продуктов, в которых остро нуждались партизаны.»

Сообразительная, бесстрашная девушка спасла жизнь не одному советскому человеку. Мне рассказали, в частности, о случае с Дарьей Сидоровной Колосовой, одной из зачинательниц колхозного движения в Зуе. Энергичная и деятельная, она всегда пользовалась глубоким уважением своих земляков, была до войны депутатом районного Совета, что по фашистским нормам само по себе представляло «преступление», карающееся, ну, конечно же, смертной казнью. И нашлась-таки подлая рука, начавшая донос на Дарью Колосову. Кончилась бы это трагически, если бы не вмешательство Лиды.

Я отправился в Севастополь, где живет сейчас Дарья Сидорова, и из ее уст услышал:

«Произошло это в 1942 году. Лидя я тогда по улице, и окликает меня Лидя. «Тети Даша сегодня к вам ночью с обыском придут. Так вы сейчас же все свои депутатские бумаги скропните, чтоб их найти нельзя было. Все хорошие вещи из квартиры унесите, да переворачивайте, квартиру, чтобы все было плохо выглядело. А спросит они при обыске о чем-нибудь, то мы уж вместе с вами сообразим что ответить, только слушайте меня, как следует.»

«И, конечно, все так и сделала. Вечером легла спать. Лежу, а сон не берет меня. Потом слышу — стучат. Открыла. Выходит офицер с двумя солдатами и Лидя. Офицер поглядел кругом, видит, не поворачивалось ему — все морщилась и по-лово каяла. Солдаты сразу начали обыск. Искали, искали — ничего не нашли. Тогда офицер Лиде что-то сказал, а она мне:

«На вас заявление поступило, будут вы депутаткой были. Да ведь это неправда?»

«Ну, и я подтверждаю, мол, неправда. Лидя переводит. Потом офицер опять что-то стал говорить и все на комнату показывал, плохо, дескать, у меня, вроде я нищая. Лидя переводит:

«Офицер говорит, что он и сам теперь видит: неправду в заявлении напи-

сали. Какая же вы депутатка, если так бедно живете! Он говорит, что если человек в власти принадлежит, то и живет богато, а тут какое же богатство... Так что, тетя Даша, уходим мы, а вы утром обязательно из села куда-нибудь пойдете.»

«Многие, многим она жизнь оберегла, — закончил свой рассказ Дарья Сидорова, — хорошая была комсомолка.»

От многих бывших партизан стало известно и о том, что Лидя длительное время скрывалась в доме своей матери офицера-портничника В. Ваксмана. Она не только раздобыла ему гражданское одеяло, но и снабдила необходимыми документами, разрешила, на другую фамилию, а когда он все же был арестован, сумела вывозить его из заключения и затем переправить в лес. К сожалению, пока не удалось мне разыскать этого офицера.

Свыше полутора лет девушка обеспечивала важными данными партизан, а их задания передавала партизанам, действовавшим в селе; организовывала диверсии; предупреждала о предстоящих отправках молодежи на работу в Германию; несла советским людям в захваченном фашистами районе правду о положении на фронтах и по всей родной стране. До последнего своего вздоха была она верна комсомольской чести, высокому долгу советского гражданина.

Невозможно, конечно, установить, что думала, что чувствовала она в то ясное, солнечное августовское утро 1943 года, ставшее роковым для нее. Быть может, перед мысленным взором ее встал бессмертный образ Зои, непоколебимо отдавшей свою жизнь за социалистическую Родину. Возможно, в последние минуты жизни думала она о своих друзьях — народных мстителях. А может, думалась ли тогда о светлой радости грядущей победы, которая — она знала и твердо в это верила! — непременно, обязательно наступит.

В ОЗЛЕ ЗУИ, на пригорке у самого шоссе Самферополь — Феодосия, высится белая скульптура девушки с колокольши в руках — олицетворение мирных устремлений нашей молодежи. Спокойной радостью веет от этой скульптуры. Глаза на нее, я подумал: именно той такой была бы Лидя Никитина, если бы дожила до наших дней.

И еще подумалось: до чего же мало у нас написано о боевой деятельности крымских партизан, храбро, самоотверженно бившихся с врагами. Уж кому-кому, а литераторам Крыма следовало бы по-настоящему вжаться за разработку этой почти не тронутой темы столь еще недалекого, незабываемого прошлого.

Я. ОСТРОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
с. Зуя, Крымская область

Нужен точный адрес

Минувшей осенью на одной из Киевских окраин, недалеко от завода «Точэлектронприбор», я повстречалась с группой взволнованных девушек и юношей.

«Не нужно было нас обманывать, — тараторила маленькая бойкая толстушка. — Раз обучили специальности и даже разряд присвоили — будьте любезны, дайте работу!»

Они правы, эти семнадцатилетние. Три года назад им сказали: «Научитесь трудиться — для вас открылась широкая дорога в жизнь. После школы — на завод, поработаете два года — вуз к вашим услугам. Словом, все преискусство.»

И вот теперь получается — один на завод ввалил, а другим, из того же выпуска, места не хватило. «Походите, говорят, немножко, пока вам минет восемнадцать. Тогда всех возьмем». Нет, что-то тут не так, какая-то несправедливость с самого начала, с первого выпуска школьников с производственным разрядом. А что же будет дальше?

Вот об этом «дальше» настала пора подумывать.

Время мчится быстро. Давно ли мы, родители, и наша педагогика в некоторой, надо сознаться, растерянности стали перед необходимостью перестроить выпускников средней школы с повального стремления к трудовой пути. А вот сейчас не дыкуют на трудовой путь, а в старших классах, одновременно осваивают производственные профессии и после школы идут работать.

Мы уже знаем о богатом опыте производственного обучения в школах Украины или Ставрополья, где в ученических бригадах, при колхозах и совхозах дети осваивают сельскохозяйственные профессии. Оказывается, надо было только создать условия, и школьники жадно потянулись к труду.

Прозношел целительный перелом в психологию школьной молодежи, а педагогическая наука получила практический материал для разработки новой, продвинутой временем системы среднего образования.

Но не только в педагогике дело. Обучение детей и работа о трудовой их судьбе — зенья одной цели. Нельзя отделить прививать учащимся любовь к труду и отделить заботиться об их трудоустройстве. Кончая школу, молодой человек должен знать, что место его в жизни обеспечено, что он нужен Родине.

А. ВАЖАНОВА

Надо вдумчиво планировать судьбу выпускников средней школы, как планируются судьба студентов вузов.

Мы стоим у колыбели нового явления, родившегося на почве социалистической сущности нашего строя. Народное хозяйство начинает получать кадры молодых рабочих и крестьян с законченным средним образованием. И вот сейчас, когда дитя еще маленькое, родители обязаны позаботиться о том, чтобы оно росло в атмосфере доверия, чтобы все его качества формировались в духе дорогих нашему народу идей и традиций.

Идет прием у заместителя председателя Лиды Никитиной, заместителя областного комитета Комсомола Моржова. Тяжелая, напряженная работа. Приходят люди со сложнейшими жалобами и просьбами, которые действительно требуют вмешательства депутата, руководителя. Но нет-нет — и на пороге приемной появляется робкая фигура девушки или парня:

«Мне бы на работу...»

И начинается все та же процедура кустарного трудоустройства:

«Товарищ Король, как у тебя там в промкомбинате? Нельзя ли прислать девушку? Говорит — шить умеет...»

Бывает, что в телефонной трубке звучит ответ положительный. Бывает — отрицательный. Тогда Александр Владимирович виновато смотрит на огорченную девушку, мучительно соображая: куда бы еще позвонить, чтобы не отказали.

Подобную картину можно встретить в любом исполкоме. Жаль становится занятых людей: ведь такую работу давно бы пора сконцентрировать в каком-нибудь справочном бюро. Сидела бы там девушка, хотя бы такая же десятиклассница, и, порышавшись в карточках, давала

бы нужные справки. Кстати, в ее картотеке могли бы быть сосредоточены сведения не только местного характера, но и межгородские, и даже межобластные и республиканские. Как бы выручили такое бюро молодых людей!

3. Но, разумеется, справка о том, где и как была работа, — это небольшая часть дела. Важно помочь на первых шагах проникнуться уважением к труду. А ведь бывает так, что первые шаги, о которых молодежь мечтает еще в школе, на всю жизнь остаются неприятным воспоминанием.

В сентябре я проехала в Магаданскую область группу молодежи, завербованной по организации.

«Вы за нас не беспокойтесь, — утешали родных отъезжающие, — мы уже взрослые. И едем не сами по себе, а от «Оргнабора». Уполномоченные обещали, что все будет хорошо...»

Но то, что происходило уже на перроне, вышло тревожное чувство. Посадка в вагон шла беспорядочно, сопровождалась бесчинствами «бывалых» молодых, завербованных и отправляемых вместе с молодежью, впервые вступающей на трудовой путь.

Родители искали уполномоченных, но их и следа не было.

Можно ли терпеть такое равнодушие? Из практики трудоустройства молодежи должно быть решительно вытравлено все, что напоминает деятельность «холодных сапожников». Процесс трудоустройства не может ограничиваться одними механическими функциями. Это также, и главным образом, — процесс воспитательный. И когда девушка или юноша протягивает руку за справкой о том, где нужны их молодые силы, или получает почетную комсомольскую путевку, на этом деле не кончается. Оно только начинается. Дальше нужны внимание и участие, которые воспитают в молодом человеке истинную любовь и уважение к труду.

Сейчас эта работа усложняется из поля деятельности организаций, занимающихся устройством молодежи на работу.

4. Думается, что работу по трудоустройству десятиклассников необходимо начинать еще в школе. В какой-то степени, очевидно, так и будет, когда, наконец, определится новая система среднего образования. Но уже и сейчас следовало бы готовить школьников к трудовой жизни, по мере возможности целыми коллективами.

Я знаю много случаев, когда семнадцатилетние, пришедшие на работу группой или клас-

сом, сохраняют коллектив и успешно трудятся в непривычных и, порой, нелегких условиях.

Двумя маленькими, но дружными коллективами пришли на строительство Днепродзержинской ГЭС бригады Дуси Стародубовой и Ниди Кравченко. Девочки окончили среднюю школу и не захотели расставаться. Решили обучиться малярному делу и работать тут же, вблизи от дома, в старом, заслуженном тресте «Днепрострой».

«Правда, сейчас из маляров все превратилось в муляров, а по-украински муляр — это каменщик, — смеется девочка, — но ничего: скоро дадут работу, и снова станем малярить. Решили сидеть одна бригада за успехами и поражениями другой!»

«Вы только подумайте, бригада Ниди Кравченко в прошлом месяце так мало заработала, ну просто смех. То-то мы их дразнили!»

Может случиться, что в следующем месяце все произойдет наоборот и девочки из бригады Ниди Кравченко «возьмут» оставших на буксире или в стеньгазете «пролесочат». И все кончится хорошо, потому что, как там ни говори, а у них все вместе — и горе и радости, и смех и слезы. Так привыкли они в годы чудесной школьной дружбы.

А будь эти девчата чужими друг другу, подобранными в бригады «с борю по сезону», — кто знает, удержали ли бы все они на своей нелегкой работе, не разбежались ли бы куда глаза глядят, искать чего-то нового, туманного и неясного...»

5. Есть места, где проблему трудоустройства десятиклассников трудно решать «внутренними силами». Это области, где слабо развиты промышленность. И руководителям этих областей (а особенно — городов) приходится ломать голову в поисках каких-то «боковых» выходов из создавшегося положения.

Днепропетровская область к таким не относится. Здесь все время остро ощущается «недораз» рабочей силы.

И все-таки в области около четырех тысяч выпускников средних школ нигде не работает. Они не спешат с выбором профессии и отсиживаются в специально созданных для них при некоторых школах комсомольских группах.

Недавно Днепротровский обком партии и обкомполком, в развитие указания Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, вынесли решение вовлечь молодежь в промышленность и сельское хозяйство. Решением этим для всех предприятий, учреждений и организаций, находящихся на территории области,

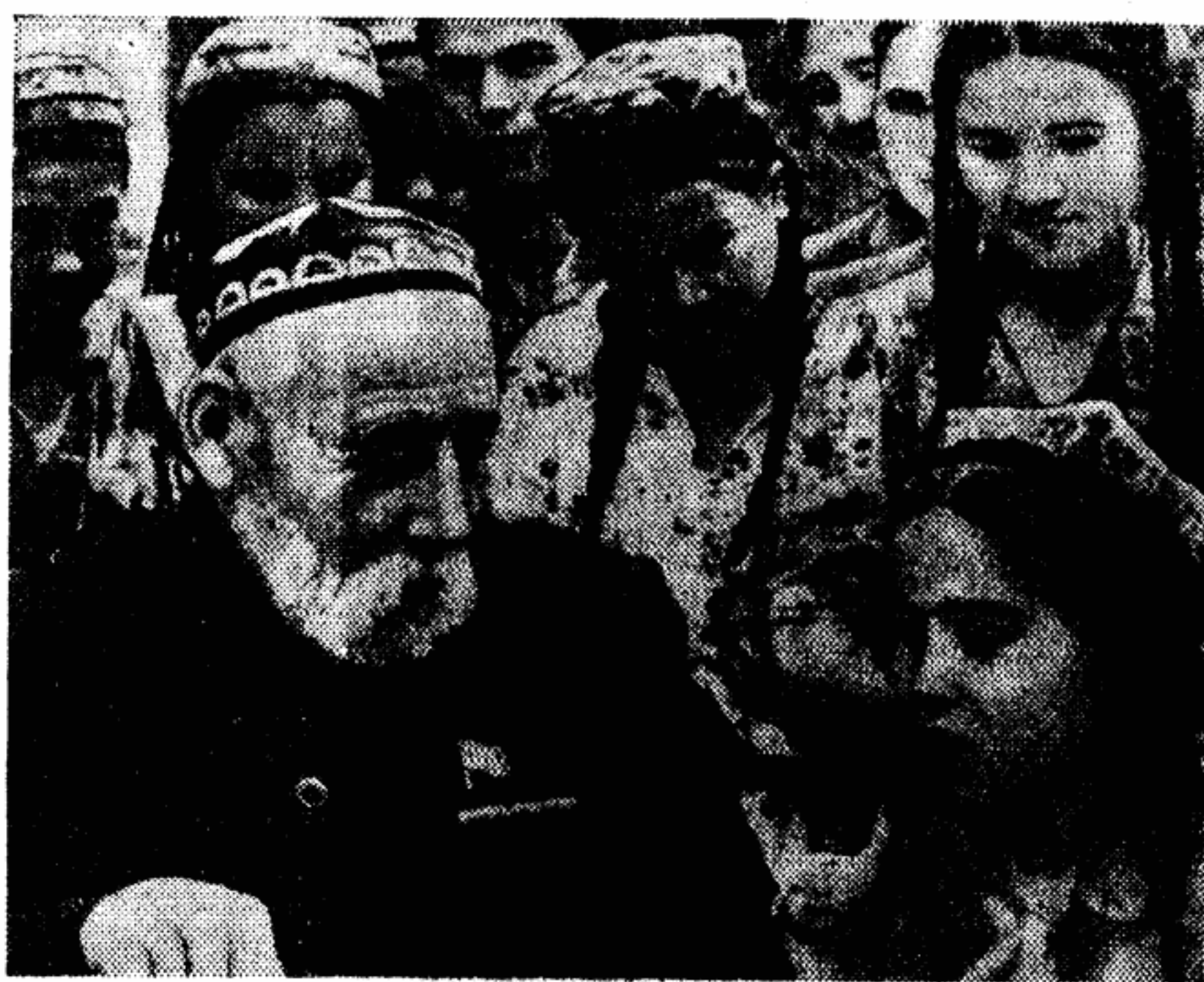
установлена броня, в счет которой будут приниматься на работу десятиклассники.

Хорошее решение! Именно внедрять надо школьную молодежь в народное хозяйство, в ведущие отрасли промышленности, где интенсивно развивается техника производства, где работа рук должна непрерывно сочетаться с работой мысли. В этом и есть полнота правильного воспитания и размещения новых сил рабочего класса.

СЕГОДНЯ исполняется 80 лет со дня рождения основоположника таджикской советской литературы Садрриддина Айни.

В богатейшем литературном наследии писателя большое место занимают его письма. К сожалению, многие из них до сих пор не только не изданы, но и не собраны. Между тем значение эпистолярного наследия С. Айни весьма велико: основоположник таджикской советской литературы вел активнейшую переписку с писателями и поэтами Таджикистана, помогая им своими советами, наставлениями, критическими замечаниями. Особое внимание С. Айни уделял в письмах воспитанию молодых литераторов.

Ниже впервые на русском языке публикуются некоторые письма С. Айни. Письма эти, относящиеся ко времени, когда писатель, несмотря на обострившуюся болезнь, усердно работал над своим «Воспоминаниями», написаны со свойственным ему четким строгим и в то же время лобовым отношением к молодым писателям. Письма печатаются с некоторыми сокращениями.

Садрриддин Айни среди школьников.

Товарищ Мирзо Турсун-заде!

На этих днях товарищ Дехоти принес мне рукопись «Воспоминаний» и, передав мнение некоторых товарищей, сказал, что в книгу необходимо внести исправления. Однако из рассказа товарища Дехоти выяснилось, что коллективной чёткой «Воспоминаний» не было и, хотя каждый в отдельности и читал рукопись, никто (кроме Джалола Икрами) не прочел ее полностью. Все дело, однако, в том, что судить о каком-либо произведении можно лишь после того, как прочтешь его целиком. В противном случае суждение это будет напоминать обрывок. Машираб! тем мулло, который, услышав «Худо...» и не успев еще услышать «берды», объявил беднягу Машираба неверным...

Письма Садрриддина Айни

Ряд товарищей считает, что упоминание мною в «Воспоминаниях» некоторых мелких или сугубо личных дел и событий является неподобающим и «бесполозным». Но эти самые мелочи, которые вызывают сегодня возражения товарищей, явились в прошлом в моей литературной деятельности основным материалом для написания «Одиных», «Дохунди», «Рабов» и других произведений... Возражаю по поводу «саморабота» шутника-шана Кори Махмуда. А ведь эту самую беседу, что изображена ныне в «Воспоминаниях», я совершенно точно и даже с сохранением речевой манеры Кори Махмуда ввел в роман «Дохунда».

Одним словом, мои «Воспоминания» вообще, а эти мелочи в особенности будут очень полезны и молодым любителям писательского дела, и тем, кто изучает мои произведения. Польза всего этого для молодых в том, что они, прочтя «Воспоминания» и уяснив себе, какое отражение нашло все это в том или ином из моих произведений, смогут понять, сколь внимательно следует подходить к «мелочам» жизни, как надо в общем виде вводить эти мелочи в типизированное повествование для того, чтобы стать писателем, каков путь извлечения пользы из жизни для создания больших произведений...

Я не боюсь критики, и если даже критика несправедлива, она не сломит моей энергии, моего духа. Поэтому, если в моих произведениях имеются сомнительные в идейном смысле места, я их сейчас же исправляю (как это я делал в «Воспоминаниях»). Но критика «мелочей» печалит меня. Печалит не потому, что критикует меня, а потому, что наша молодежь до сих пор не изучила того, как надо изучать мелочи...

Написал Вам какое-то письмо, имея в виду две цели. Первая из них: Вы, молодые, обладаете большим, еще не раскрытым талантом и дарованием... пусть останется у Вас памятка от меня, старика, не знающего, как долго еще останется ему на свете. Вторая: прочтите это письмо молодежи, чтобы облегчить ей пользование «Воспоминаниями» и сравнение их с другими моими произведениями.

С товарищеским приветом
Айни САДРИДДИН
Самарканд, 14.XII.1948 г.

Товарищ Мирзо Турсун-заде!

...Если при моем теперешнем состоянии я возмечтал бы поехать в Сталинабад, то дело мое было бы кончено уже в Самарканде по дороге на вокзал. Между тем у меня есть еще на свете пара важных (не для меня лично, но и для советской таджикской общественности) дел, ради исполнения которых я считаю нужным сохранять свое здоровье.

Одно из этих важных дел — завершение «Воспоминаний». Кроме той пользы, о которой я писал в прошлом письме, «Воспоминания» полезны еще в одном: они восполняют один недостаток в истории нашей литературы. Как известно, всемирно прославленные писатели русского народа дали в XIX веке столь совершенные произведения, что после революции обязанности русских советских писателей осталось преимущественно освещение советской жизни. У нас же в XIX веке и вплоть до революции не было ничего, кроме произведений Ахмада Донниша? Но и они ограничивались лишь критикой двора, а не нападками до сих пор...

Другое дело, важность которого я чувствую всей душой и исполнение которого считаю своей истинной обязанностью, — это работа над метрикой таджикского стиха. Известно, что основная традиционная метрика таджикского стиха — это аруз¹. Но аруз таджикского стиха — это вещь, которую авторы работ по арузу так и не поняли (я имею в виду здесь древних авторов). По их мнению, эта метрика являлась взята таджиками у арабов. Но это мнение совершенно ошибочно.

С товарищеским приветом
Айни САДРИДДИН
15.VI.50 г.

¹ Хазадж, рамад, раджаз — названия некоторых арузных размеров.
² В арузе для обозначения различных стоп пользуются некоторыми искусственными словами, входящими общее название афалин.
³ Диван — собрание стихотворений.
⁴ «Марш свободы», написанный С. Айни в 1918 году на мотив «Марсельезы», — первое стихотворение таджикской советской поэзии.

Верность современности

НЕДАВНО вышла в свет новая работа литературного критика Б. Брайнина — очерк жизни и творчества Федора Гладкова. Читатель знает автора по известной книге о Константине Федине, имевшей значительный успех, по сборнику статей «Воспитание правдой». Б. Брайнина — один из немногих наших профессиональных критиков, работающих постоянно и плодотворно в области освещения современной литературы. Подобно Николаю Шаронову — одному из героев писателя, творчество которого послужило ей предметом анализа в последней книге, она могла бы сказать о себе: «...литература наших лет — литература, с которой я вместе рос, которая волновала меня, будила мысль, поднимала, окрыляла душу, — наша советская литература — это моя жизнь... мое настоящее и будущее». Такая верность современности сама по себе достояние уважения.

Книги Б. Брайнина заслуживают уважения и внимания не только тем, о чем она пишет, но и тем, как пишет. «Федор Гладков» — не монография, не исследование. Это именно литературно-критический очерк, возлюбленный рассказ о творчестве одного из мастеров старшего поколения, строителей советской литературы. Книга доступна и интересна даже для тех, кто обычно читает только беллетристику.

У Б. Брайнина, как критика-пуляризатора, есть два необходимых для такого критика качества. Она обладает способностью вживаться в творчество выбранного ею художника, она увлечена тем, что он создал, и эта увлеченность невольно передается читателю. Второе качество неразрывно связано с первым. В характеристике произведений и образов Б. Брайнина обычно пользуется словами данного писателя, она как бы усваивает его язык. Что это так, можно убедиться, сопоставив ее книги о Федине и о Гладкове. Первая из них проникнута духом фединского языка, тяготеющего к строгим пушкинским нормам, вторая отмечена печатью лексической живописности, свойственной Гладкову. Это хорошее качество служит дополнительным средством обрисовки творчества писателя. Ведь и живописец, рисуя портрет, пользуется красками, передающими цвет лица данного индивида, а не какими-то абстрактными цветами человеческого лица вообще. Оттого-то книги Б. Брайнина и читаются легко, что их язык по-хорошему отличен от того казенного языка, которым доселе пишется у нас многие критические опыты.

Сказав выше, что работа Б. Брайнина не является исследованием в привычном для литературоведения смысле, мы вовсе не умаляем меры затраченного автором труда. Каждый, кто прочтет ее книгу, из многочисленных ссылок на архив писателя и личные беседы с ним убедится, что это была проведена большая работа.

Популяризовать на конкретном примере творчество писателя, наши понятия о задачах литературы и особенно о методах социалистического реализма, прививать читателю правильные, отвечающие советскому общественному строю взгляды на художественное творчество, — дело необходимое и требующее таланта.

Федор Гладков — один из тех художников, сила которого в тесной связи с жизнью, в богатстве опыта активного участника революционной борьбы и строительства социализма. Начало его литературной деятельности совпало с началом века. С юных лет он неразрывно связал свою судьбу с революционным движением, а впоследствии — с партией большевиков. В 20-х годах Гладков романом «Цемент» смело поставил в центр внимания литературы фигуру человека — строителя новых форм жизни. «Цемент»

было, что можно подтвердить очень простым доказательством: так, хазадж, рамад, раджаз¹ и другие размеры звучат по-арабски совершенно иначе, чем в таджикско-персидском стихосложении, и если мы читаем арабские стихи (каким бы размером они ни были написаны), эти стихи представляются нам походящими на прозу. Таджики взяли у арабов в области метрики стихи лишь термины, веса и равновесие — «афа'иль»². Вторая ошибка авторов работ по таджикскому арузу в том, что они ограничивают таджикскую арузную метрику только размерами, указанными в их собственных книгах и подтвержденными примерами из классиков. Однако на самом деле размеры таджикского стиха не сводятся лишь к тем, которые являются традиционными и имеются в диванах³ классиков. Так, среди народных стихотворений мы встречаем много таких, размеры которых отвечают требованиям аруза, но ни названий, ни образов таких размеров нет ни в книгах по арузу, ни в диванах классиков...

В чем же основа таджикской арузной метрики и в чем особенность ее?.. Таджикская арузная метрика имеет своей основой порядок чередования долгих и кратких слогов, и при изменении этого чередования появляются новые формы и новые звучания... На основании этого правила, главного для таджикской метрики, мы можем, разработав таджикский народный стих и используя размеры классического стиха, выработать новые, приятные и звучные размеры.

Хотя вопросам таджикской метрики я занимался с молодых лет, мысль о переработке ее появилась у меня только после Октябрьской революции, когда я, захотев написать «Марш свободы» («Марсельезу»⁴), столкнулся с многими трудностями... Но особенно сильно овладела мною мысль о работе над этой проблемой после того, как наше время и наша молодежь потребовали новых форм и новых размеров. Если мы правильно разреши эту проблему, то откроется путь для таких прекрасных форм и размеров, которые, полностью отвечая требованиям нашего времени, будут также целиком соответствовать особенностям таджикского языка и метрики таджикского стиха. Некоторые молодые поэты, стремясь к новым формам и размерам таджикского стиха, до сих пор не определили, что же они требуют и каковы пути осуществления требуемого ими...

Если жизнь не предоставит мне возможности поработать над метрикой таджикского стиха, пусть мое письмо останется своего рода вступлением к этой работе.

С товарищеским приветом
Айни САДРИДДИН
Самарканд, 27.XII.1948 г.

Товарищ Джалола Икрами!

...В письме Вы сообщили мне, что в будущем журнал «Шархи сурх» будет выходить в объеме 8 печатных листов. Однако это сможет обрadowать меня лишь тогда, когда материалы станут в журнале лучше, разнообразнее и содержательнее. Вообще, я недоволен содержанием журнала. Особенно сильно огорчил меня номер третий. В одном 40-страничном номере журнала не только 20 страниц занимают мои «Воспоминания», но помещена еще и статья обо мне (статья товарища Улуг-зода). Читатель не только упрекает в этом редакционную коллегию, но порицает и меня, всем своим сердцем не согласного с этим, говоря: «Такой-то, пользуясь своим авторитетом, монополизировал журнал». И читатель вправе так говорить. Если в портфеле журнала нет ничего оригинального, неужели Вы или Фатех Ниязи, или какой-нибудь другой товарищ не сможете перевести что-либо из московских журналов? Ведь в русских журналах и вообще в русской печати есть вещи, которые не устаревают, а для таджикских читателей, появившись в переводе, вообще будут новыми. Особенно это касается критических вещей. Их постоянно следует давать в качестве образца: ведь журнал «Шархи сурх» никогда не мог выполнять своей задачи в области критики. Пусть же молодежь увидит образцы критики и самокритики и поймет, как критикует друг друга советские писатели...

С товарищеским приветом
Айни САДРИДДИН
15.VI.50 г.

¹ Хазадж, рамад, раджаз — названия некоторых арузных размеров.
² В арузе для обозначения различных стоп пользуются некоторыми искусственными словами, входящими общее название афалин.
³ Диван — собрание стихотворений.
⁴ «Марш свободы», написанный С. Айни в 1918 году на мотив «Марсельезы», — первое стихотворение таджикской советской поэзии.

ПОЭТЫ-КОМСОМЛЬЦЫ

Вадим СЕМЕРНИН

КОРОТКОЕ СЛОВО

Двадцать пять лет Литературный институт имени А. М. Горького готовит пополнение для советской литературы. Молодые писатели получают здесь высшее образование, овладевают мастерством. В настоящее время здесь учатся 184 молодых литератора, 105 из них — комсомольцы. Сегодня со стихами, посвященными XIII съезду комсомола, рассказывающими о чувствах молодых советских людей, об их любви к Родине, выступают поэты-комсомольцы, отличники учебы, активные общественники Литературного института.

Дмитрий БЛЫНСКИЙ МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Зайдет к нам У деревню и скажешь:
Все близкие,
Далеких по крови в ней нет никого:
Какая бы хата ни встретилась —
Близкие,
Да что это —
Дети отца одного?
Сквозь годы карабкался трюном,
Я путь родословной своей узнаю,
Опять же, фамилия наша нерусская,
Откуда вылезла она в русском краю?
Здесь деды и прадеды жили и садили,
Без выезда жили в средней Руси.
Игол ли хлеба кусок, не имел ли,
Танцуют и Христу:
«Сохрани» и спаси!
А он им — то зной вместо дождика
Спокого,
А он им — то град вместо солнца
Поллет,
А он им — помещика,
После которого
В сусеках сметали пыльный помет.
И снова с извечным:
«О, господи, выручи,
Избавь от сумы в середине зимы».
— А чьи вы, крестьяне?
— Адам Казимирча.
— Адам Казимирча Блынского
мы...
И, мухры, глухо роптали на
барина,
Все чаще в кругу толковали о том,
Что господом богом
Земля им подарена,
Что сеют, а ходят с пустым животом.
Горел в их глазах
Огонек нетерпения,
Скрывал до поры его каждый
с трудом,
Пока он не вспыхнул на праздник
успения

Пожаром,
Обылиши адамовский дом.
С тех пор, хоть в указах о том не
Указано,
Прозвали фамилией барской
крестьян.
И тот, кто носил ее, с тем была
связана
Презрения кличка —
Бунтарь и смутьян.
Запоротых до смерти,
Важу их, словно я
Стою у раскрытых в столетия
дверей,
Стою и горжусь, что моя
родословная
Идет от орловских крестьян-
бунтарей.

ГОВОРЯТ ЛАУРЕАТЫ

Международный конкурс имени Чайковского закончился

Итак, международный конкурс пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского, около месяца волновавший музыкальный мир, завершился. Вчера вечером, в Большом зале консерватории, который все эти бурные дни, казалось, готов был раздвинуть свои стены, чтобы вместить гигантскую массу людей, жаждавших послушать талантливых молодых музыкантов, были подведены итоги конкурса. И поистине каждый счастливчик, попавший на торжественную заключительную церемонию, как и в дни прослушивания, по праву чувствовал себя членом жюри и разделял с лауреатами радость их успехов.

Первая премия присуждена американскому пианисту Вану Клибберу, вторую премию поделили Лев Власенко (СССР) и Лю Шун-кунь (Китайская Народная Республика). Дальнейшие премии распределились следующим образом: третья премия — Наум Шаргман (СССР), четвертая — Эдуард Мансаров (СССР), пятая — Милена Моллова (Болгария), шестая — Надя Гедда-Нова (Франция), седьмая — Тоноаки Мануура (Япония), восьмая — Даниэл Поллак (США).

Нанакане объявления результатов конкурса наш корреспондент беседовал с некоторыми его участниками: — Мне еще ни разу не приходилось принимать участие в таком великолепном организованном конкурсе, как этот, — сказал американец Ван Клиббер. — Здесь все было продумано и предусмотрено до мельчайших деталей — и репетиции, и порядок, и время выступлений. А уж о приеме, который оказал нам советскими людьми, и говорить не приходится. — Нигде я не встречал публики, которая бы так горячо радовалась твоим успехам, поддерживала тебя и буквально вместе с исполнителем, в его «ритме» жила и дышала. Я с радостью отмечаю, что русские — необыкновенно тонкие ценители музыки и исполнения, они чутко реагируют на подчас едва заметные удачи.

Памяти Д. Бедного

Советская общественность широко отметила 75-летие со дня рождения Демьяна Бедного. В субботу, 12 апреля, в Центральном Доме работников искусств состоялся вечер, устроенный Союзом писателей СССР. М. Исаковский, открывая вечер, охарактеризовал Демьяна Бедного как одного из основоположников поэзии социалистического реализма, чье творчество внесло большой и ценный вклад в художественную культуру советского народа. На вечере выступили С. Васильев, А. Жаров, Д. Заславский, С. Михалков, Л. Никитин, А. Пранков, А. Сурков, Н. Смирнов-Сокольский. Сегодня, в 2 часа дня, состоится открытие мемориальной доски на доме, где жил Демьян Бедный (Рождественский бульвар, 16).

50-летие В. Закруткина

В РОСТОВСКОМ Доме ученых состоялся вечер, посвященный 50-летию Виталия Закруткина. Первый секретарь обкома КПСС Н. Киселев сердечно поздравил юбиляра и вручил ему адрес. Тепло было встречено выступление М. Шоолова, пожелавшего своему собрату по перу доброго здоровья и новых больших творческих успехов. На вечере выступили командующий Северо-Кавказским военным округом Маршал Советского Союза А. Еременко, заведующий кафедрой Педагогического института И. Сугакин, председатель редакции «Правды» Ю. Лукин. Тепло приветствовали юбиляра земляки. В адрес юбиляра поступили многочисленные телеграммы и письма: от секретариата Союза писателей СССР, Оргкомитета Союза писателей РСФСР, писательских организаций Ленинграда, Киева и других городов. В. Закруткин заверил собравшихся, что он и впредь не пожалеет сил, чтобы трудом своим служить народу и родной Коммунистической партии. РОСТОВ-НА-ДОНУ. (Наш корр.)

Кроме этого, я собираюсь у себя на родине организовать цикл концертов из произведений Чайковского. Я хочу более широко познакомить моих соотечественников с творчеством великого композитора. Я считаю это своим долгом и делом чести лауреата конкурса. — Мне очень интересно было участвовать в этом соревновании, — говорит советский пианист Наум Шаргман. — Я принимал участие в двух международных конкурсах и должен сказать, что уровень нашего нынешнего состава исполнителей очень высок. У меня много впечатлений от встреч с молодыми музыкантами разных стран, особенно покорила меня Ван Клиббер глубиной любовью к музыке, искренностью, чистотой своего искусства. Все мы так привыкли за этот месяц к шумной толпе доброжелателей, которая с утра собиралась у консерватории и гудела до позднего вечера, обсуждая результаты прослушивания. Это напоминание лучше дни Всемирного фестиваля молодежи. И как-то грустно думать о том, что скоро разведутся по разным странам мои новые друзья... Я уверен, что большинство из нас, участников конкурса, сохранит тепло и какое-то особенное ощущение единства в искусстве, которое сроднило нас в эти незабываемые дни.

Учительны и для сегодняшнего дня. Критика правильно видит успех романов Гладкова о рабочем классе в том, что писателя «интересовало отнюдь не строительство, а люди, их судьбы» (Ф. Гладков), что его талант — в умении всегда идти от человека, в умении «познавать сокровенные мечты людей, полет их мысли, горечь неудач и радость исканий...» Будучи совершенно правым и убедительным в общем освещении литературных проблем, критик, к сожалению, очень субъективен в оценке современных произведений на тему рабочего класса. Право, трудно понять, почему для Б. Брайнина «Белое пламя» В. Собко оказывается хуже «Потока» А. Пантелеева. Достоинства, которые приписывает критик роману («раскрыты процессы... мысли, раскрыта психология рабочего-мыслителя, показан подвиг мысли, как массовое явление»), чисто мнимые. Обо всем этом, действительно, говорится в «Потоке», но говорится схематично, отрубленно, как раз никакого раскрытия там и нет. И вообще этот роман менее всего соответствует выстраданному нашей литературой и, в частности, Ф. Гладковым убеждению, что в литературе надо идти от человека, а не от производственной проблемы.

Хорошо освещает работу писателя в дни войны. Б. Брайнина, думается, слишком бегло и поверхностно говорит о «Белом». Она верно констатирует недостатки этой повести, но обходит вопрос о том, что эта повесть с ее откровенной публицистичностью была овеяна дыханием времени и самым недостатком ее объясняются условиями и обстоятельствами времени. Дело ведь не только в том, что Гладков остался «верен своей генеральной теме» — теме труда, а в том, что шестидесятилетний писатель с юношеским темпераментом взялся за художественное освоение материала трудового фронта, отнесенного в литературе военных лет материалу фронта. «Романтика трудового подвига» — это слишком привычные слова для повести, в которой автор попытается передать непреложную волю к победе людей, оторванных от родных мест и семей, чей труд был так су-

ро, что требовал от них такой же волевой энергии и напряжения, как в бою для борьбы с врагом. Да, в повести «Белая» большие недостатки. Но есть поражения, которые стоят в них побед. И нам кажется, походя к оценке повести с точки зрения сегодняшнего дня и новых достижений Гладкова в его трилогии, Б. Брайнина несколько пренебрегла исторической перспективой.

О разборе «Повести о детстве», «Вольницы» и «Лихой годины» нам, по существу, нечего сказать. Он сделан ярко и с волевым, может быть, даже без пристрастности. Основное внимание критика сосредоточено на женских образах, и они, действительно, наиболее удалось художнику, они пронырали светом и внутренним теплом, лишены той расщепленности, которая, на наш взгляд, несколько портит образ героя-мальчика. Хочется отметить только одну особенность Брайниной как критика — сильная ее сторона, как можно судить по главам о «Цементе» и трилогии, именно в тонком и добросовестном анализе образов героев. В общей характеристике произведения она обычно ограничивается уже установленными мнениями. Но читать то, как она разбирает образы Гедда, Дали, Нasti и Паруши, само по себе доставляет наслаждение.

Слишком скромно конец книги, где говорится о публицистике и литературных взглядах писателя. Эстетические взгляды художника заслуживали большего внимания. Они всегда любопытны для критика, собственный практический опыт художника почти всегда образует их основу и делает его пристрастным по отношению к творчеству своих собратьев. Впрочем, этот предмет интересен, пожалуй, действительно, работником литературного цеха. Книга же Б. Брайнина адресована к широкому читателю. И думается, он прочтет ее с благодарностью к автору.

А. МАКАРОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 45 15 апреля 1958 г. 3

ПОХОД ЗА МИР—ПОХОД ЗА БУДУЩЕЕ!

ПЕРЕД НАМИ газетные сообщения: из трех городов США — Филадельфия, Нью-Йорк и Лос-Анджелес — вышли три группы людей различных профессий и возрастов. Они несут в руках плакаты, несут к зданию ООН в Нью-Йорке петиции и требования прекратить испытания атомного оружия.

Председатель Национального комитета похода за мир священник Маст, возглавлявший это шествие, вручил представителю ООН петицию и письмо американцев, требующих прекратить испытания атомного оружия. В петиции сказано: «Как американские граждане, мы с особым чувством ответственности призываем наше правительство принять более решительные и далеко идущие действия в направлении всемирного разоружения, включая безотлагательное прекращение испытаний ядерного оружия в одностороннем порядке или на основе международного соглашения через ООН».

Эта петиция честных сынов Америки, людей, которые любят свою землю, — это борьба против тех, кто упрямо стоит на враждебных человеческих позициях.

Священники, учащиеся средних школ, ученые и рабочие знают одно — испытание атомного оружия должно быть прекращено. В составе Филадельфийской группы в походе мира участвовала Лиллан Уиллоуби, муж которой Джордж Уиллоуби на судне «Голден Руз» в знак протеста отправился в нелегкий путь туда, где предполагается испытание ядерной бомбы на Тихом океане.

Поход за мир разветвляется во всем мире. В канадском городе Торонто в знак солидарности с борцами за мир в других странах состоялся поход канадцев за мир. Над их колоннами плакаты: «Спасите наших детей — каждое испытание убивает», «Канадский уран — для дела мира».

Это — на американском континенте!

На Британских островах, там, где угроза атомной войны ощущается каждым англичанином, тысячи жителей заявляют решительный протест против тех, кто пытается убедить людей в том, что испытания якобы являются опорой мирной жизни.

«Те, кто цепляется за ядерное оружие, — сказал священник Дональд Сопер, — являются, попросту говоря, психопатами! В Лондоне англичане осаждают американское посольство. Член парламента Джон Байрд, возглавлявший делегацию англичан, заявил секретарю американского посольства: «Мы просим, чтобы посольство сообщило своему правительству, что это движение, начавшееся стихийно среди небольшой группы людей, быстро растет и будет продолжать расти... Далее считает русский жест пропагандой. Надеюсь, что американцы и англичане ответят на эту пропаганду такой же пропагандой».

Весь мир, все человечество, все те, кто заинтересован в мире, кто заинтересован в жизни своих детей, — миллионы, десятки, сотни миллионов людей на земном шаре приветствуют благородный, гуманный шаг Советского правительства. Люди понимают, что это — убедительное доказательство миролюбия советского народа, это — реальная возможность, наконец, всем государствам, обладающим ядерным вооружением, протянуть друг другу руки, во имя спасения миллионов людей на земле, во имя спасения человеческой культуры, во имя будущего человечества. Какая уж тут пропаганда!

Борцы за мир пролагают свои маршруты по дорогам Америки, по дорогам Канады, по дорогам Англии. Участников походов — этих мужественных людей поддерживают все люди земного шара.

Поддерживаем и мы, советские люди, зная, что они — патриоты своей родной земли. Эти люди думают о завтрашнем дне своих народов, о том счастливым дне, когда, благодаря единству и борьбе народов, будут полностью запрещены испытания и прекращено производство ядерного оружия.

Мы верим, этот день наступит! Поход за мир продолжается!

Дорога в Олдермастон

СМИТИНГА на Трафальггар-сквер я шел между женщиной, катившей детскую коляску (отец встретил нас у памятника Альберту с бутылочкой молока и с бутылочкой), и паффистом, который добрался до Лондона на попутных машинах из Манчестера. Часть пути он ехал с одним из ученых-атомников из Олдермастона («похоже, что им жалко расстаться с этой бомбой, как с любимой игрушкой»). Судя по тяжелому рюкзаку, этот паффист принадлежал к тем сотням людей, которые намеревались участвовать в походе до самого конца. Впереди шла группа веселых молодых людей, они несли на палках голубей мира; позади шагали с рюкзаком высокий джентльмен в полосатых брюках. Маленький бордюрный ветеран войны нес распятие и на ходу развешивал несколько молодых людям, также украшенным бородами, отношение господства бога к ядерному оружию.

Насколько хватало глаз, вдоль Линкаиди развешивали и раскатывали, проплывали мимо транспаранты: «Присоединяйтесь к походу, спасите мир», «Хайгейтские шестиласкины за мир», «Да здравствует жизнь», «От страха к нормальному существованию», «А ты сбросил бы водородную бомбу?», «Что нужно записать — водородную бомбу или человеческую расу?».

Сотни участников несли над собой эмблему похода, различные светящиеся буквы «ND» (сокращенно — nuclear disarmament — ядерное разоружение). Когда голова колонны достигла пологого на свадбейский пригород памятника принцу Альберту в Гайд-парке, где вся наша толпа в 5 000 человек остановилась позавтракать, люди, замыкавшие шествие, находились еще на Трафальггар-сквер. Молодежь завела танцы на ступенях памятника. «Здесь музыка запрещается», — заявил полицейский. Тогда стали отбивать ритм ладонями, и танцы продолжались, пока и это не было запрещено. «Неважно», — сказал парнишка в лихо заломленной кривой шляпе, — музыка у нас в сердце».

И так шагаем, шагаем, шагнем до Тернхам Грин, где местные

На снимке внизу: колонна участников «похода мира» в Англию, направляющаяся из Лондона в Олдермастон. На снимках справа: Вверху — митинг Филадельфия (США) организовали шестидневный массовый «поход за мир» — демонстрация протеста против атомного оружия, против испытаний водородных бомб. Участники демонстрации прошли пешком все расстояние от Филадельфии до Нью-Йорка. Внизу — демонстрация в Гамбурге (ФРГ) против ядерного оружия. Надпись на транспаранте: «Михаэль, прости! Угрожает атомная смерть!».

Снимки из газет «Дейли уорнер», «Уинит» и «Нью-Йорк таймс»

ИЗ БЛОКНОТА УЧАСТНИКА «ПОХОДА МИРА»

Несколько дней назад английские сторонники мира предприняли поход к научно-исследовательскому центру ядерного оружия в Олдермастоне. Поход, начавшийся 4 апреля митингом на Трафальггар-сквер в Лондоне, вылился в грандиозный массовый протест против ядерного оружия. Люди самых различных политических убеждений и возрастов прошли за 4 дня 80-километровый путь от Лондона до Олдермастона, где 7 апреля состоялось завершающее собрание.

Низкие публикуются записки участника похода — журналиста Седрика Белфреда.

жители угощают нас чаем, и отсюда в городок Хауслоу, где местный совет через громкоговоритель, установленный на машине, приглашает нас остановиться на ночлег.

По бокам дороги стояли тысячи людей — одни просто смотрели, другие аплодировали, а некоторые присоединились к нам. Один домовладелец, стоявший у калитки своего сада, сказал: «Приятно видеть, что молодежь что-то делает. Может быть, у них побольше ума, чем у нас». Шествие замыкала прихрамывающая женщина. За собой она тащила огромную шотландскую овчарку. Женщина сказала, что пришла пешком из Хауки, с другого конца Лондона.

В погоне за сенсацией репортеры бежали вдоль колонны и брали интервью у американских студентов, индийцев-гандитов в чалмах, протестантов-деятелей, клерков, профсоюзных лидеров. Взяли интервью и у красивой юной инваляды в коляске, и у женщины, пожилой муж которой ехал за шествием в «ролл-ройсе». В одном все отвечающие были единодушны, — что с водородной бомбой нужно немедленно кончить, потому что между полным уничтожением и полным миром нет никаких средних путей. Особенно удивляли репортеры, как писала потом «Дейли мейл», сотни участвовавших в походе «солидных частных лиц, для которых это был первый политический шаг в их жизни».

Прохнувшись после дождя и подкрепившись кофе (спасибо вам, жители Мейденхеда), колонна с песней «Нас не заставят» тронулась в путь мимо окна, в котором две девочки с торжественными лицами держали напарничанье за грифельной доске приветствие «В добрый час!».

Заметно выросшая колонна включала теперь множество авто-

Неумирающее слово

(К двадцатипятилетию со дня смерти Сесара Вальехо)

С КАЖДЫМ годом, прошедшим с тех пор, как 15 апреля 1938 года в Париже обрвалась недолгая, полная лишений и борьбы жизнь Сесара Вальехо, становится все яснее, как много потеряла в его лице латиноамериканская литература. Популярность Вальехо в странах испанского языка сегодня настолько велика, что игнорировать ее не смеет даже буржуазные критики из числа тех, кто замалчивает и травил писателя при жизни. Вынужденные признать Вальехо выдающимся художником слова, они пытаются выхолостить революционное содержание его произведений, представить коммунистические убеждения писателя как нечто постороннее его творчеству.

Перуанец, в жилах которого испанская кровь смешалась с кровью индейцев-кечуа, Сесар Вальехо принадлежал к поколению, вошедшему в литературу Латинской Америки после первой мировой войны — в годы мощного подъема национальной-освободительного движения, усилившегося под влиянием Октябрьской революции. Талант Вальехо созрел в накаленной атмосфере массовых стачек, прокатывшихся в те годы по Перу, — в ходе одной из таких стачек сельскохозяйственные рабочие захватили и целую неделю удерживали в своих руках город Трухилью.

Уже первые стихотворные сборники молодого поэта — «Черные геральды» (1918) и «Трильес» (1922) — обратили на себя внимание читателей. Отказавшись от собственного модернистского поэтического призрака, Вальехо решительно обратился к национальной тематике, к выработке национальной поэтической формы. Стремясь показать духовный мир труженника, он насытил свою поэзию образами, почерпнутыми из индейской жизни.

Материнский дух Вальехо пришел не по нраву властям. Поэт был заключен в тюрьму. В 1923 году он эмигрировал в Европу. Но и находясь далеко от родины, в Париже, а затем в Мадриде, Вальехо не прерывает связи со своим бурюшим

ЛОНДОН, 14 апреля. (По телеграфу).

и Чезира испытала неизведанное еще глубокое счастье, дав выход своей ненависти к недавним хозяевам жизни: «Каждый из этих взрывов наполнял меня радостью, и радость эта с каждым взрывом становилась все сильнее... Пушка эта стреляла по гитлеровцам и фашистам, и каждый ее выстрел был выстрелом по той тюрьме из лжи и страха, какую они столько лет строили».

Освобождение стало для Чезира и порой светлых надежд, и началом новых жестоких испытаний. Каазалось, пришел конец мраку, все должно измениться к лучшему, к людям станут, наконец, относиться по-человечески. Но схлынул поток больших и малых машин, с которых американские солдаты потехи ради выстреливали итальянским карамель и сигареты, и вновь стало голодно. Пожалуй, еще хуже, чем прежде, — ведь еще хуже было рассчитывать на то, что в ближайшем будущем жизнь наладится. Оказалось, что победители вовсе не думают о том, чтобы после войны построить новый мир, в котором будет больше справедливости, больше свободы и больше счастья, чем в старом. Свобода, которую они несли итальянскому народу, была «свободой для негодяев». Чезире пришлось убедиться в этом сразу и самым страшным образом: «освобожденные» изнасиловали е Роветту в церкви, перед алтарем, где девушка тихо молилась. И простая, полуграмотная крестьянка, бросая в отчаянии обвинение богу, не помещаемому иноземным солдатам надругаться над ее дочерью, и обществом, где процветают те, что крадут, убивают и думают лишь о своей корысти, говорит от имени обманутого в самых светлых надеждах народа: «Больше не хочу жить в таком мире, как этот, где хорошие мужчины и честные женщины больше ничего не стоят и где хозяйничает преступники». Так исповедь превращается в проповедь.

СТРЕМЯСЯ к правде. Моравия беспощаден к своим героям. Он не оставляет надежды перед изображением грязь и жестокости жизни, подлости и цинизма людей. Но у Моравия не жестокий талант. И то что писатель беспощаден в своих поисках правды, — это

даже не индивидуальная особенность его дарования. В наше время подлинный гуманист воспринимает боль — пусть из жалости или в угнетении страждущим — как средство порабощения человека. Да, Моравия много писал о корыстолюбии и душевной опустошенности, о нищете и зверином индивидуализме. Но никогда не считал он эти пороки извечными, врожденными свойствами человеческой природы: души коверкает буржуазный миропорядок.

«Напуганный мир был заинтересован в том, чтобы избранный человек хуже, чем он есть, ценить его дешевле, чем он стоит», — говорил Горький о «буржуазной оценке человека». И далее: «Против ее необходимо бороться, она — вреднейшая ложь. Человек — не ничтожество, каким его привыкло видеть классическое общество, которому было выгодно смотреть на человека именно как на ничтожество. Человек — чудо, единственное чудо на земле, а все остальные чудеса его — результаты творчества его воли, разума, воображения».

Моравия восстает против «буржуазной оценки человека». И в новом романе ярче и сильнее, чем в каком-либо другом произведении Моравия, сказались подлинное уважение к трудовому человеку, без фанатичной синхронизации здоровья и духовных сил простого человека — без слепого восторженности, любви и бедному труженнику, которому живется так тяжело, что он стал и груб, и упрям, — впрочем, для любви ведь это не помеха.

«Чочара» — превосходно написанное произведение. Но как бы ни было сильно очарование романа, не следует закрывать глаза на его слабость. Тем более, что это не погрешности художнической «техники» — с этой стороны произведение безупречно, — а изъяны авторской мысли. Весь образный строй романа Моравия приводит к выводу: общественный строй, который несет людям такие бедствия и страдания, изжил себя. Он никогда не годится и должен быть изменен. Но как? Перед этим вопросом Моравия явно пасует, здесь сказывается ограниченность и его гуманизма, и его

Неумирающее слово

(К двадцатипятилетию со дня смерти Сесара Вальехо)

С КАЖДЫМ годом, прошедшим с тех пор, как 15 апреля 1938 года в Париже обрвалась недолгая, полная лишений и борьбы жизнь Сесара Вальехо, становится все яснее, как много потеряла в его лице латиноамериканская литература. Популярность Вальехо в странах испанского языка сегодня настолько велика, что игнорировать ее не смеет даже буржуазные критики из числа тех, кто замалчивает и травил писателя при жизни. Вынужденные признать Вальехо выдающимся художником слова, они пытаются выхолостить революционное содержание его произведений, представить коммунистические убеждения писателя как нечто постороннее его творчеству.

Перуанец, в жилах которого испанская кровь смешалась с кровью индейцев-кечуа, Сесар Вальехо принадлежал к поколению, вошедшему в литературу Латинской Америки после первой мировой войны — в годы мощного подъема национальной-освободительного движения, усилившегося под влиянием Октябрьской революции. Талант Вальехо созрел в накаленной атмосфере массовых стачек, прокатывшихся в те годы по Перу, — в ходе одной из таких стачек сельскохозяйственные рабочие захватили и целую неделю удерживали в своих руках город Трухилью.

Уже первые стихотворные сборники молодого поэта — «Черные геральды» (1918) и «Трильес» (1922) — обратили на себя внимание читателей. Отказавшись от собственного модернистского поэтического призрака, Вальехо решительно обратился к национальной тематике, к выработке национальной поэтической формы. Стремясь показать духовный мир труженника, он насытил свою поэзию образами, почерпнутыми из индейской жизни.

Материнский дух Вальехо пришел не по нраву властям. Поэт был заключен в тюрьму. В 1923 году он эмигрировал в Европу. Но и находясь далеко от родины, в Париже, а затем в Мадриде, Вальехо не прерывает связи со своим бурюшим

ЛОНДОН, 14 апреля. (По телеграфу).

политических воззрений. В качестве ответа он предлагает библейскую притчу о предрешении Лазаря, вкладывая в нее весьма наивный социальный призыв: он зовет к нравственному самоусовершенствованию. Особенно сильно это дает себя знать в последних главах: трагедия Розетты, например, несмотря на обилье реалистических и даже натуралистических деталей, приобретает нарочито символический характер.

Когда идеалы писателя распылялись, крушились, и лежал очень часто превращается для него в непосильное испытание. Несбывшиеся надежды рождают отчаяние. Хемингуэй, например, после поражения испанских республиканцев, борьбу которых он горячо сочувствовал, содрал несколько произведений. Вряд ли пессимистическое звучание. Послевоенные годы не принесли всех тех плодов, о которых мечтали антифашисты во время Соппротивления. Старый мир еще очень силен. Отсюда та острая горечь, привкус которой ощущается в последней части «Чочары». И все-таки это горечь, а не безнадёжность. Повернуть в прах фашизм, пережить много такого, что говорит: в наш век не должно быть места отчаянию.

Чезира с дочерью возвращаются в Рим. За их плечами жалкая, полная мрака и заблуждений, бедствия и невзгод жизнь. Что ждет их в будущем? Как жить дальше? Неужели все вернется на круги свои? Чезира думает: «В Риме, в своей квартире и лавке, я уже не буду прежней», и мы знаем, что это так, что именуемое сердце ее открыто новой надежде. Как в давние времена все дороги вели в Рим, так ныне все явления действительности устремятся в сердцах простых людей веру в торжество справедливости, как бы ни была она попорна и пруграна. На дороге в Рим мы расстанемся с героями нового романа Альберто Моравия...

Л. ЛАЗАРЕВ

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИКОВ, В. СОЛОУХИН, В. ФРОЛОВ.

Навстречу надежде

ТРИ ДЕСЯТКА лет назад, когда на площадях Италии лихо маршировали чернорубашечники, — море им казалось по колено, — когда дуче, упиваясь успехом и властью, произносил речи, в которых абсолютное фантастические посулы всеобщего благоденствия сопровождалось весьма реальными угрозами — «кто фашистов предаст, свинец в глотку получает», — в ту пору, в 1929 году, вышел первый роман Моравия «Равнодушные» назвал его автор. Писатель не касался в нем политических проблем, и все-таки это была антифашистская книга. Она правдиво воспроизводила духовную атмосферу фашистской Италии. Моравия писал о людях, которые потеряли себя, которым все на свете трин-трава.

С тех пор Моравия в своих книгах неизменно выступает против цинизма и равнодушия, которые рождает фашизм и которые служат ему духовной почвой. Герои его «Римских рассказов», написанных несколько лет назад и посвященных послевоенной Италии, удивительно похожи на героев романа «Равнодушные». Что ж, и сегодня в Италии найдутся подонки и «замухрышки», которые с радостью напоят на себя черный мушкетер и отправят грабить, насиловать, убивать. Будущее тревожит писателя, и эта тревога обоснована. Но в книгах Моравия была не вся правда: вне его поля зрения оказались явления, рожденные Соппротивлением, — этим, по словам самого писателя, наиболее значительным периодом новейшей истории Италии. И только в «Чочаре» он обращается, наконец, к событиям той поры.

Правда, в центре нового романа Моравия — не герои Соппротивления, которые с оружием в руках выступили против фашистского владычества. Писателя по-прежнему интересует маленький человек, запуганный чернорубашечниками.

Альберто Моравия. «Чочара». Роман. Перевод с итальянского Г. Белоглазов. «Византизм». Издательство «Иностранная литература». 1958. №№ 1, 2, 3.

шениками, забытый житейскими невзгодами, одержимый собственническими инстинктами, маленький человек, который был для фашистов идеальным верноподданником или даже готовым на все подручным. Но этот маленький человек, — если в годы фашистского безверья совесть его спала, а не была убитая, — под влиянием величайшего исторического кризиса стряхивает с себя духовное оцепенение, пробуждается от нравственной летаргии, выпрямляется. Первые Моравия показывают процесс возрождения, а не моральное падение человека, впервые свет больших надежд открывается его героям.

МОРАВИЯ не случайно избрал для своего романа форму «исповеди» — он раскрывает самые сокровенные помыслы, фиксирует малейшие движения души, воспроизводит сложную борьбу противоречивых чувств. Героиню повествования, зовут Чезира. Чочара — ее прозвище: так называли крестьянок горного района, откуда она родом. Когда-то Чезира выдала замуж за римского лавочника, и, прожив лет двадцать в столице, унаследовав после смерти мужа лавочку, она научилась сначала бойко торговать, а затем, в годы войны, и ловко промышлять на черном рынке. Она жила в мире, где каждый в меру сил и возможностей стремился облагодетельствовать ближнего, и постепенно страсть к наживе подчинилась все ее помыслы и чувства. Исповедуемая героиней жизненная философия стяжательства и равнодушия, которые всегда идут рука об руку, проявилась особенно отчетливо в ее отношении к войне. Иногда Чезира — больше по привычке, чем от чистого сердца — еще поругивала тех, кто затеял войну, послал на смерть тысячи бедняков. Но в глубине души она была довольна тем, что происходит.

«Бога проси, чтоб война еще годика два продлилась», — открыто говорила она дочери Розетте. — Тогда не только приданое

справши — оденешься, богатая станешь».

Но так было до тех пор, пока война, рожденная в Риме, но бесчинствовавшая где-то очень далеко, казалась бы, за тридевять земель, не возвращалась сюда, в Рим, и Чезире самой пришлось испытать ее ужасы. Жизнь предрешила ей первый урок. Но она и на этот раз решила словить: если война перестала быть выгодной, надо от нее спрятаться, переждать в укромном месте страшное время, сохранив по возможности небольшой капиталчик, нажитый спекуляциями.

Чезира вместе с дочерью бежит из Рима на родину, в Чочарию. Но это бегство — еще одна рожавшая иллюзия: от войны нельзя укрыться, война повсюду. Теперь героиня мечтает уже о том, чтобы наступил мир, чтобы жизнь вошла в прежние берега: «Нам нужно, чтоб кто-нибудь — немцы или англичане, все равно — наконец победил по-настоящему, чтобы война кончилась... только бы чей-нибудь верх был». Да, Чезире еще все равно, потому что ей кажется, что для нее личное никакое роли не играет, что стоит хозяином положения, — все в мире вертится и будет вертеться вокруг денег и наживы. Медленно, постепенно она постигает внутреннюю связь между войной и жаждой обогащения, между фашизмом и циничным равнодушием к добру и злу. Совсем недавно героиня считала, что это война рождает убийц, грабителей, насильников, теперь она знает: война лишь развешивает им руки. Так Чезира, прожившая два десятка лет «не на своей улице», перестает быть лавочницей и вновь становится чочарой — человеком с психологией труженника; именно это подчеркивает автор названием романа.

Всего несколько месяцев назад мысль о том, что «лучше быть тихим, чем убивать», может прийти Чезире, она казалась ей пределом человеческого и бескорыстной самоотверженности. Но пришел долгожданный час освобождения, и